УДК 94(367)
94(369.2)

А. С. Кибинь

Дулебы и обры (авары) Повести временных лет

Изучение легенды о дулебах и обрах в составе ПВЛ связано с наличием двух кардинально противоположных подходов в определении ее источника. Согласно точке зрения значительного числа исследователей, легенда представляет собой литературную обработку восточнославянского земледельческого эпоса или краткого фольклорного комментария к поговорке «погибоша аки обре», которая согласно указанию ПВЛ была известна на Руси, а описываемые в легенде насилия аваров над дулебами происходили в VI или VII в. на территории Волыни[1]. Согласно другому подходу, в киевскую летопись попал традиционный рассказ о притеснении паннонских дудлебов, непосредственных соседей или обитателей Аварского каганата. Передача этой традиции связывалась либо с каким-то не сохранившимся гипотетическим чешским, моравским, южнославянским письменным источником ПВЛ[2], либо считалась устной и объяснялась активными контактами внутри славянского мира[3]. Данная статья не ставит своей задачей анализ всей дискуссии и текста легенды — отдельного рассмотрения требуют вопросы о времени формирования и записи сюжета, степени вмешательства в него составителей ПВЛ, влиянии устной и письменной традиций, библейской концепции истории.

Мы остановимся только на вопросе распространения двух этнонимов в разных летописных контекстах внутри ПВЛ и в других более ранних источниках, что необходимо для характеристики географических и хронологических представлений составителя ПВЛ о размещении легендарного «события» притеснения обрами дулебов.

Легенда о притеснении дулебов обрами находится во вводной части ПВЛ внутри рассказа о приходе разных кочевых народов — болгар, «белых угров», обров (авар), печенегов и «черных угров» на Дунай из Северного Причерноморья («из Скифии то есть Хазарии»), который был включен в летописание в 1110-х гг.[4] Рассказ о приходе кочевников, отделенный от предыдущего и от последующего текста двумя фразами «яко же рекохом», относится к определенному легендарному хронотопу — он начинается со слов «Словеньску же языку яко же рекохом живущу на Дунае». Обры, упомянутые после болгар и белых угров, согласно повествованию, воевали с Византией, словенами и подчинили себе дулебов, тождественных словенам («дулебы сущая словены»). В летописи эти события описаны анахронично (за исключением взятых из Хроники Георгия Амартола данных о войнах угров и обров во времена Ираклия), и внутри фрагмента о кочевниках ничто не дает оснований для перемещения сюжета легенды на Буг (следующее упоминание в ПВЛ дулебов на Буге содержится уже в ином контексте, другом «хронотопе», озаглавленном «Поляном же живущим особе якоже рекохом»). В описании передвижений кочевников смешаны события разных эпох, и они изложены в иной хронологической последовательности, нежели можно ожидать. Но к началу XII в. все упомянутые группы были для летописца дунайскими — даже названные перед «черными уграми» (мадьярами) печенеги к этому времени были вытеснены из Северного Причерноморья на нижний Дунай.

На локализацию центрального события легенды продолжает влиять теория В. О. Ключевского о существовании на территории предгорья Карпат в VI в. крупного дулебского племенного союза, разбитого аварами[5]. Теория была сформулирована на основании искусственного соединения легенды о дулебах и обрах с вырванной из контекста легендой арабского автора середины X в. ал-Мас'уди о царе *Маджке* и его роде *влинана*, которую невозможно отнести к племенному союзу в предгорьях Карпат. В современной аргументации теории о дулебском союзе сохраняется порочный круг — связь аваро-дулебского эпизода ПВЛ с восточнославянскими дулебами обосновывается существованием на Волыни дулебского суперплемени, а существование суперплемени в VI в. — рассказом о притеснении аварами дулебов в ПВЛ.

Вопрос о происхождении традиции ПВЛ о дулебах и обрах решался поразному. Сторонники теории В. О. Ключевского считали ее восточнославянской, Б. Застерова — «западнославянской» (очевидно, моравской), П. Вади — скорее «паннонской», В. Д. Королюк — паннонско-восточнославянской[6]. Не рассматривая вопрос о реальности моравского, чешского или болгарского письменного источника ПВЛ (так называемого «Сказания о словенской грамоте», или «Сказания о преложении книг», впервые выделенного А. А. Шахматовым[7]), отметим, что легенда о дулебах примыкает к тому же блоку легендарных сведений, которые связаны с летописной концепцией отождествления нориков со словенами, о поселении словен на Дунае и последующем расхождении их из Словенской земли по северным и восточным территориям Европы.

Рассказ о запрягании дулебских жен в ПВЛ неотделим от повествования о кочевниках, которые приходили в Словенскую землю. Два других упоминания дулебов не составляют в повествовании самостоятельного сюжета — в перечислении народов, которые жили друг с другом «в мире», дулебы названы в прошлом обитателями территории по Бугу («кде ныне велыняне»), а под 6415 (907) г. в зависимом от предыдущего перечня перечислении названы в числе участников легендарного похода Олега на Константинополь[8]. Информация о походах русских князей включена в летописание на этапе составления ПВЛ, вместе с текстами договоров Руси с греками[9]. Этим информация ПВЛ о дулебах исчерпывается. На фоне остальных перечней, описаний расселения и нравов русских славян напрашивается вывод, что составителей ПВЛ дулебы не интересовали — в отличие от древлян, радимичей и т.д. — групп, которые имеют обычаи, князей и фигурируют в истории X в. В начальном летописании нет упоминаний о войнах с дулебами и их подчинении.

В последующем за рассказом этногеографическом введении ПВЛ о кочевниках, который уже отнесен ко времени «Поляном же живущим особе», содержится указание о проживании дулебов на Буге, где ныне *велыняне*, которое А. Авенариусом рассматривалось в качестве объяснительной глоссы, пояснения к рассказу о дулебах и обрах[10]. Это указание послужило поводом для перенесения многими исследователями места действия легенды с Дуная, где находился Аварский каганат, на территорию волынского Побужья. Между тем повествование определенно дает понять, что в двух соседних отрывках описаны реалии разного времени, и сам текст не дает оснований для автоматического отождествления времени и места происходящего. В представлении летописца первые и вторые дулебы — тождественны, но не тождественны место и время происходящего, а в совокупности история дулебов повторяет историю словен, которые жили на Дунае, а затем поселились в будущей Руси. В представлении составителя ПВЛ они ассоциировались с прошлым населением западного пограничья Русской земли на Буге. Разумеется, необходимо принимать во внимание, что на территории украинской Волыни, Прикарпатья и белорусского Верхнего Поднепровья сохранилась топонимия и гидронимия (названия типа Дулибы, Дулебы), которая в представлении многих историков подтверждает слова летописи о проживании в побужском регионе дулебских групп. В то же время, невозможно игнорировать топонимический закон, согласно которому подобные деэтнонимические названия возникают в инокультурной, иноэтничной среде или в пограничных зонах[11]. Время проникновения в Побужье носителей дулебской идентичности и возникновения этих топонимов не может быть установлено (это могло произойти в X в., как в более ранний период, так и в более поздний — ср. также антропоним *Dulęba*). Указание о проживании дулебов по Бугу говорит о том, что современным составителю этногеографического введения названием населения региона было велыняне, но глосса ПВЛ не дает оснований распространять этноним дулебов на всю Волынь древнерусского периода или отождествлять волынян с дулебами.

Между тем, согласно грамоте 1086 г., в которой сохранилось описание границ пражского архиепископства 970-х гг., эти границы доходили именно до Буга и Стыря (*Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Gracouua civitate*). Согласно наиболее аргументированной в историографии точке зрения, описание пражского архиепископства отражает восточные границы проникновения власти чешского князя Болеслава Грозного, который за время своего правления поставил под пражский контроль значительную часть пути из Немец в Хазары, распространив свою власть на востоке до районов северного Прикарпатья к востоку от Кракова[12].

В связи с этим важно отметить, что ПВЛ — не первый текст, где упомянуты дулебы как народ или группа населения. Единственным текстом, где они названы народом или общностью, современной пишущему автору, является исторический трактат Абу-л-Хасана ал-Мас'уди «Золотые копи и россыпи самоцветов», который был составлен в Египте в 947–956 гг. Упоминаемый Мас'уди в 34 главе об ас-сакалиба правитель (малик) рода дулаба *Ван.дж Слаф* отождествляется с пражским князем Вячеславом (Венцеславом, св. Вацлавом), правившим в 921–935 гг.[13] При этом *дулаба* — не оригинальное рукописное чтение, а конъектура, принятая подавляющим большинством исследователей славянского отрывка 34-й главы[14]. Несмотря на отсутствие уверенной идентификации ряда этнонимов, источник информации отрывка вполне очевиден: ни в Восточной Европе, ни к югу от Дуная не удается уверенно разместить ни один из одиннадцати перечисленных славянских этнонимов, упомянутых ал-Мас'уди. Большая их часть локализуется на территории полабских, чешских и немецких земель — *волинцы* или *велеты, стодоране, дулебы* (*чехи*), *немцы* (*баварцы*), **магоняне* (?), *сорбы, моравane, хорваты, саксонцы, дечане или дошане* (?), *брежане* (?). Эти локализации подтверждают вывод Ю. Видаевича и Т. Левицкого, согласно которому славянский информатор Мас'уди описал со славянской точки зрения обитателей полабско-чешско-немецкого региона. В тексте Мас'уди под названием *дулаба* фигурирует территория Пражского княжения целиком, а не какая-то его часть[15]. И подобное «нестандартное» наименование Чехии — не курьез или ошибка, оно попало в труд арабского историка из уст славянина, хорошо представлявшего бассейн Эльбы по состоянию на 20-е гг. X в.

Наряду с чешскими дудлебами, историографическая традиция размещает носителей дудлебской идентичности (понимаемых чаще всего как осколки «мигрировавшего с Волыни племени дулебов») на территории Словении и Штайермарка (в бассейне р. Муры)[16]. Основным материалом для реконструкций остается раннесредневековая топонимия Карантании — *Tudleipin* из грамоты короля Людовика архиепископу Адальвину 890 г., *comitatus Dudleipa* из грамоты короля Арнульфа, церковь в местности *in Dudleipin* в «Обращении баварцев и карантанцев», созданном около 871 г. Топонимические данные сложнее интерпретировать, чем данные о дулебах как групповом обозначении,

но необходимо отметить, что карантанские топонимы ближе всего расположены к территории Аварского каганата и территория Карантании, несомненно, находилась под аварским контролем до 620-х гг.

Приведенные данные о распространении дулебской идентичности в бассейне Дуная (Карантания) и верхней Эльбы (Чехия), на наш взгляд, показывают правоту Б. Застеровой, П. Ваци и В. Д. Королюка в том, что для локализации легендарного события в среде западных или паннонских славян больше оснований, чем для его размещения на Волыни. В этой связи необходимо рассмотреть также вопрос о том, где в славянском мире сохранялась память об аварах в предшествующие составлению ПВЛ времена.

Этноним *обри* (варианты *обьри, объре*, прилаг. *объръско*) известен в моравских и болгарских памятниках конца IX в. (Житие Константина[17], Симеонов Златоструй[18]), в старославянской переводной литературе с греческого как эквивалент Ἀβάροι / Ἀβάρεις (древнерус. или болг. перевод Хроники Георгия Амартола, XI в.[19], болг. перевод Откровения Мефодия Патарского: *Ѡбъри, Ѡбьрьско*[20]), также, вероятно, в греческом тексте Феофилакта епископа Охридского: *Ὄ*μβροι[21], рубеж XI–XII вв. В переводном древнерусском Житии (Мучении) Феодора Стратилата один из воинов, которые участвовали в волнениях в Гераклее (речь о событиях начала IV в.), анахронично назван обрином: «Мерпа же етеръ обринъ родо*м* притекъ сконча Антипата» (в латинском варианте перевода — *Merpas, Hunnus genere*). Приведенные примеры свидетельствуют о книжном использовании этнонима и не могут быть свидетельством бытования на Руси фольклора и эпоса об аварах[22]. В отличие от западнославянских языков, в восточнославянских и южнославянских литературных языках (кроме словенского) неизвестны производные и продолжения этнонима ***объръ, обринъ* в значении «великан». Если фольклор о «великих телом» аварах бытовал у восточных славян — почему апеллятив сохранился только у западных славян и словенцев?

В легенде о дулебах и обрах ПВЛ утверждается, что на Руси известна поговорка (притча) «погибоша акы обре». Вполне вероятно ее хождение в среде образованных древнерусских книжников, знакомых со старославянской и греческой литературой[23]. Но нравоучительная притча повторяет топос об исчезновении авар, широко известный в других источниках IX–X вв. — не русских, а византийских и латинских[24]. А. Авенариус, который настаивал на существовании восточнославянского устного сказания о дулебах и обрах, поддержал вывод, что поговорка имеет литературное (византийское, по его мнению) происхождение [25]. В таком случае интересно, что в том месте книги Бытия (6: 4), где старочешские переводы XIV–XV вв. дают *obrowé*, в старославянских памятниках читается *исполини* (греч. *Γίγαντες*), из чего следует вывод, что известные на Руси в XII в. библейские тексты не могли стать основанием для появления ассоциации судьбы «великих телом» авар с истреблением допотопных великанов. Эта ассоциация, отмеченная А. Коллауцем и Е. А. Мельниковой[26],

присутствует в легенде неявно, как аллюзия. Возможны три альтернативы — либо в той устной или письменной традиции, которая послужила источником летописной легенды, содержалось представление о высоком росте обров, либо в ней уже содержалось сопоставление с судьбой библейских гигантов (*нефилим*), либо мотив высокого роста насильников, которых покарал Господь за гордыню, был введен составителем ПВЛ.

В аргументации Б. Застеровой гипотезы о западнославянском происхождении традиции о покорении аварами дулебов одним из главных аргументов было то, что продолжения этнонима **обьрь* в значении «великан» зафиксированы только в западнославянских языках и в словенском — на той территории, где славяне до IX в. имели наиболее тесные контакты с аварами[27]. В качестве контраргумента А. Авенариус отметил, что при эфемерном присутствии авар на польской территории к северу от Карпат, апеллятив *olbrzym* 'гигант' сохранился в польском языке [28]. Для доказательства волынского происхождения предания о дулебах и обрах исследователь предположил, что в зоне еще не дифференцированного польско-восточнославянского пограничья на Волыни было ощутимо прапольское влияние, следовательно, там же мог бытовать и апеллятив **обьрь* в значении «великан». Исследователь не исключал, что волынские дулебы VI в. были не восточнославянским племенем, а находились на крайнем рубеже «западнославянской» языковой стихии, заселяя Волынь и часть Малопольши — что доказывалось исключительно данными топонимии (деревни под Яслом и Чертковым). Искусственность подобных построений очевидна — невозможно понять, каким образом оформилась «обрская» изоглосса в общеславянскую эпоху при отсутствии литературной традиции, устойчивых политических границ, кроме того, значение 'великан' этноним приобрел, вероятнее всего, уже после разрушения аварского каганата[29]. В Карпатах и Прикарпатье широко распространены фольклорные рассказы о великанах *велетах*, или *велетнях,* а не обрах[30].

Контртезис Авенариуса представляется необоснованным также ввиду особенностей фонетического облика польской формы *olbrzym* — на фоне логичных континуантов в чешском, словацком и словенском развитие *-lbrz-* из *-brz-* неясно[31]. Существуют следующие объяснения такого развития: А. Баньковский квалифицировал корневое *l* как результат мазовецкой эпентезы и полагал, что мазовецкий диалектизм, который в XVI в. сосуществовал наравне с литературной старопольской формой *obrzym* (впервые зафиксированной Флорианской псалтирью), продолжает форму **orbrzym* неясного происхождения[32]. Форму **orbrzym* для объяснения *olbrzym* ранее сконструировал Я. Охманьский, считая, что пейоративное и аугментативное слово **obrzyn* выговаривалось в старопольском более эмоционально, и для упрощения произношения корневое *r* передвинулась вперед[33]. Но это решение — не единственно возможное. Е. Хелимский и М. Стаховский допускали контаминацию старопольской формы **obrzyn* с древнерусским *ольбер* — из кыпчакского или армяно-кыпчакско-

го *olbrim*: *aznawur-olbrim* ‘герой, гигант’ др.-кыпч. **olpar-ym / *olper-im*, тюрк. **alp-ar-ym / *alp-er-im* ‘мой герой, мой богатырь’[34]. Ранее В. Махек сближал его с пол. *obrzmieć* ‘опухнуть, увеличиться в размерах, надуться’[35], а В. Маньчак полагал, что *olbrzym* является итогом контаминации ст.-пол. *obrzym* с похожим и часто употребляемым существительным *pielgrzym*[36]. В связи с последней версией нельзя не заметить, что старопольские формы *obrzym, olbrzym* примыкают к христианской терминологии — в польских переводах книги Бытия, псалмах XIV–XVI вв. так обозначались *нефилим*, исполины допотопных библейских времен, которые в чешском языке того времени именовались *obrowé*. Большинство перечисленных исследователей исходной формой для *olbrzym* полагали прапольское **obrzyn* ‘обрин, авар, великан’, которое подверглось искажению. Между тем можно ли быть уверенным, что эта форма существовала в прапольском? Широко известно, что эпентезам и искажениям легче подвергаются заимствования. Наблюдения над ранними польскими переводами книги Бытия позволяют выдвинуть предположение, что *obrzym / olbrzym* в отличие от широко распространенного чешского *ober, obir* находилось в XV в. в стадии освоения и не было известно всем польским переводчикам священных текстов — например: “I będą *mężowie* wznikli tych czasow. Potem się znidą w cielesieństwie syn(owie) boży z siostrami człowieczymi, a ty są porodziły. Ty to są byli ot początka świata silni a sławętni mężowie”[37]. Тот же фрагмент в старочешской Оломоуцкой библии: “Y biechu *obroue* wznikli tiech czasow. Pak sie sindechu w tielesenstwi synowe bozii se dczeraml czlowieczimi. A ty gsu porodili / tito gsu byli otpoczatka swieta sylni a slowutni muzie”[38]. В польских богемизмах конечное *n* могло переходить в *m* (*brána* → пол. *brama),* однако форму *obrzym* проблематично возвести напрямую к чешскому, поскольку в чешских литературных памятниках доминируют формы *ober, obir* (ср.: Флорианская псалтирь 32.16: “Ne zbawa se krol przes wieliko czescz. a obrzim ne bodze zbawon w mnoszstwe moczi swoiey”[39], чешская Виттенбергская псалтирь: “Nebude spasen kral skyrzie mnohu mocz: a obir nebude spassen v mnozstwy moczi swe”[40]). Польское *obrzym* сближается со старославянским *обринъ* (ПВЛ) и может отражать либо заимствование более ранней старославянской формы (оформленной с *m* подобно *исполинъ* → *stolin, stołym, stolim),* либо (что представляется более вероятным) является результатом освоения чешского *obr, ober* с помощью распространенного суффикса *-in* (аналогично *rusin, litwin, węgrzyn)* с последующей ассимиляцией *n*. И в том, и другом случае существование прапольской формы **obrzyn* ввиду итогового сильно искаженного *olbrzym* представляется недоказанным. Нельзя исключать, что в сохранившемся виде слово относится к разряду многочисленных польских богемизмов XIV–XV вв.

В контексте легенды ПВЛ заслуживает особого внимания, что в большинстве случаев старочешское *obr, ober, obir* обозначает не просто «сказочных великанов», а отражает узус библейских книг, обозначая высоких и сильных жителей Палестины, в особенности часто представителей враждебных Богу племен.

В старочешской поэтической «Александриде» (эпической поэме об Александре Великом), созданной на рубеже XIII–XIV вв., обры-великаны изображены строителями Вавилонского столпа. В произведении смешаны события всемирного потопа и столпотворения, в другом фрагменте великан, с которым сразился Александр — наполовину мурин, наполовину обр, происходит из района Красного моря[41]. То есть в средневековой чешской литературе обрами называются не любые великаны, а допотопные и послепотопные жители Палестины высокого роста (*нефилим* и *рефаим*). Аллюзию на их наказание содержит, согласно гипотезе А. Коллауца, легенда об исчезновении обров[42].

Попытки доказать широкое существование этнонима *обры* или апеллятива *обр* в речи восточных славян на основании распространения топонимии, гидронимии или детских восклицаний во время игры в прятки не выглядят убедительными. Гипотеза о сохранении памяти об аварах/обрах в украинском Прикарпатье в детских считалках «Обре обре, сховай ся добре!» и «Обри, Обри, ховайте сі добре, бо я лиху волю маю, пси по полю розпускаю: пуц! бери!» восходит к замечаниям И. Франко[43], при этом часть исследователей рассматривали восклицания в контексте легендарного притеснения обрами дулебов, а Е. Крамар — как воспоминание о великоморавском влиянии в западноукраинских землях[44]. Между тем в детском фольклоре проявляется высокая пластичность лексики, игра быстро производит новые формы, не несущие смысловой нагрузки. И. Франко указывал, что упомянутые варианты представляют собой узкий регионализм, и даже в указанном районе вместо «обре» можно услышать «бобре». В XIX — начале XX в. на значительной территории от Галиции до Кубани среди украинцев и поляков была распространена детская игра «Бобер»[45]. Игра имитировала охоту на бобра, поэтому все другие известные варианты восклицания («обре, обре...», «кобре, кобре...», «хоблі, хоблі...» или «хобри, хобри, ховайся добре, як найду роздеру, як зелену жабу») можно считать вторичными вариантами.

В подавляющем большинстве случаев нет серьезных оснований ассоциировать с этнонимом *обры* топонимы на *obr-* в Далмации, Боснии, других районах Балкан, на территории Польши и Восточной Европы. Чаще всего они прекрасно этимологизируются из обозначений ландшафта или рукотворных объектов: **obrovъ / *obrova* — др.-рус. ‘береговой откос, насыпной вал, оборонительное укрепление, окоп, ров и вал с частоколом’, словенск., сербохорв. *obrov* ‘okop, meja med njivama’, ‘opkop, mjesto okruženo utvrdom’ от слав. **obryti*[46].

Наиболее подробные сводки топонимов и гидронимов на *obr-* на территории к северу от Карпат приводили Х. Ловмяньский, В. Свобода, Т. Алиферчик[47]. В Польше представлены названия типов *Obrowo, Obrzycko, Obrzyce, Obrzyca, Obrów, Obrowiec, Obrówka* и др., их концентрация наблюдается на Северо-Западе (Великая Польша, Поморье), отдельно рассматривались названия озер *Obrowo, Obrowo Małe* (Поморское воеводство), рек *Obra* (левый приток Варты), *Obra Zgniła, Obrzyca*. В Белоруссии топонимы концентрируются на Юго-Западе

(*Обричи*, *Обровъ*, *Обрынь*, *Obrów*, *Obrówek*, *Обровска Волька* и т.д., река *Обрынка* под Новогрудком). А. Л. Погодин связал названия с распространением дулебов по Восточной Европе, А. А. Шахматов — с переселением в Польшу части авар после поражения от франков; ассоциации с аварами возникали на протяжении XX в. даже у серьезных исследователей[48]. Тем не менее топонимы зафиксированы в крайне отдаленных от центра каганата территориях, и для большинства из них этнонимическая этимология невозможна[49]. Связывать с этнонимом авар чешские, словацкие топонимы (как это делал О. Н. Трубачев в случае с *Obryně*[50]) бесперспективно ввиду наличия апеллятива со значением «великан» и прилагательного со значением «гигантский» (ср. чеш. *Obří hrad*, словацк. *Obrovská priepast'* и др.). «Аварские» топонимы в Австрии (Каринтии) и Словении (*Obrje*, *Obrimburg*, *Obrinindorf*, *Abrinteburcstal*, гора *Obir*, местность вокруг нее *Ebriach*) имеют отдаленное созвучие с этнонимом, поэтому их также трудно брать в расчет. Особый случай представляет пограничная крепость *Heimburg* в Карантании (также *Hunen-*, *Hiunenburg*), по-словенски *Vobre*, *Vobrska gora*, однако даже здесь, по мнению В. Поля, нельзя исключать вторичной ученой интерпретации[51].

На Балканском полуострове вопрос о топонимических следах авар решался положительно теми исследователями, которые накладывали топонимы типа *Обре, Обров, Обровац* и др. на сеть римских дорог, таким образом показывая, что авары контролировали важнейшие пути коммуникации. Л. Маргетич использовал данный аргумент для доказательства длительности аварской власти на территории Западных Балкан в VII–VIII вв.[52] В работах Ф. Шишича и Н. Клаич развивалась гипотеза о том, что в горных районах Далмации существовал небольшой аварский военный форпост, который пережил коллапс каганата и сохранил автономию под властью авар[53]. Ф. Шишич подчеркивал концентрацию топонимов *Obrov, Obrova, Obrovo, Obrovac* преимущественно в Северной Далмации, Лике, Гацке и северо-западной Боснии, в то же время В. Чорович находил их восточнее[54]. Неоднократно указывалось на методологическую некорректность отождествления перечисленных названий с этнонимом авар — кроме прозрачной этимологии от *obrov, obrovac* показательно, что топонимы выступают на побережье — там, где аварских поселений никогда не было[55].

Тем не менее со времен Ф. Шишича проблема интерпретации топонимов в районе Лики и Гацки осложнена тем, что вместе с ними фигурирует диалектное прилагательное *obarskī* ‘сильно, очень сильно’ (кричать, говорить), зафиксированное в Северной Далмации (в Буковице), Лике и в р-не Бариловича и Велемерича. Нужно отметить, что продолжения этнонима **объръ* в значении «великан» в сербских, хорватских, боснийских диалектах неизвестны. П. Скок указал два значения для *obarskī*: ‘1. яростно, злобно, 2. откровенно, честно’, отмечая сходство 2-го значения с романским *latine* «ясно», венгерским *magyarázni* ‘объяснять’ (ср.: *deuten / deutsch*)[56]. Вероятно, подразумевался вывод, что

в районе северной Далмации часть славян когда-то были носителями аварской идентичности — вывод, который перекликается с построениями Ф. Шишича. Упорные поиски следов авар в этих районах связаны с информацией 30-й главы трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», согласно которой подчиненные «остатки авар» проживали среди хорватов в середине X в.[57] Ассоциация этих «авар» с топонимами и поздними диалектными данными остается крайне дискуссионной — лаконичная формулировка трактата («В Хорватии и по сей день имеются остатки аваров, которых и считают аварами»), при отсутствии других данных позволяет говорить максимум о том, что аварами в X в. извне считалась какая-то подчиненная хорватам группа населения — возможно, жители Гацки[58]. Согласно выводам Д. Е. Алимова, информация Константина Багрянородного показывает, что победа над аварами была одним из основных элементов политического мифа хорватской элиты, в то время как реальное сохранение аварской идентичности через сто лет после разрушения франками каганата выглядит невероятным.

В отличие от топонимии, трактат Константина Багрянородного предоставляет ценную информацию о том, в каких районах славянское население середины X в. действительно сохраняло память об аварах. Информация 30-й и 31-й глав о войне хорватов с аварами показывает, что устная традиция о противостоянии аварам сохранялась в среде хорватской военной элиты, при этом ее можно рассматривать как элемент этногенетического мифа, основными мотивами которого были «переселение», «крещение» и войны с каким-либо могущественным противником (аварами и франками)[59]. В хорватском мифе авары были не сказочными великанами, а вполне реальными политическими противниками, которых внешние наблюдатели (информаторы византийского императора) смогли идентифицировать с аварами.

Хорватский миф о противостоянии аварам на Западных Балканах X в. — не единственное свидетельство сохранения памяти об аварах в указанном регионе. Составленный в 870-х гг. в Зальцбурге трактат *Conversio Bagoariorum et Carantanorum,* который излагает точку зрения Зальцбургской епархии на церковное прошлое Паннонии до прихода Мефодия, представляет гуннов врагами славян-карантанцев и указывает, что после разгрома каганата в Паннонии остались «гунны и славяне»[60], т.е. часть ее населения баварские наблюдатели отождествляли с аварами. Сама историческая конструкция трактата принадлежит баварскому клиру, но показательно, что в IX–X вв. память об аварах была актуальна в связи с прошлым западных славян.

С рассказом о запрягании дулебских жен многократно сопоставлялось описание насилия гуннов (аваров) над женами винедов (славян) во франкской Хронике Фредегара. Несмотря на значительную хронологическую отдаленность от ПВЛ — почти на 400 лет, Б. Застерова полагала, что в обоих случаях идет речь о реминисценции одной и той же давней традиции, которая попала к Фредегару несомненно с территории западных славян, где образовалась так называемая

«держава Само»[61]. Х. Ловмяньский и А. Авенариус справедливо подчеркивали различия рассказов: оба источника имеют общей только констатацию аварского насилия над славянским народом, особенно над женщинами, тогда как конкретные формы этого угнетения проявляются по-разному: у Фредегара упомянуты военная эксплуатация, зимовка с женами и дань, в ПВЛ — запрягание. Различным образом изображена и судьба потомков авар: в летописи авары без следа исчезли, у Фредегара сыновья авар и славянок подняли восстание[62].

Непосредственное влияние одного источника на другой исключено, несомненна и разница в сюжетах. Тем не менее Фредегар использовал «местную» славянскую информацию о восстании Само, пусть «вложив ее в прокрустово ложе нарратива»[63]. Источник свидетельствует о живом представлении о притеснении славян аварами, которое сохранилось на протяжении одного поколения в VII в. на западной оконечности славянского мира. Хроника Фредегара отразила начальную стадию развития представления об аварах как поработителях западных славян. Для непосредственных соседей каганата оппозиция аварам оставалась актуальной на протяжении многих поколений. Главным доказательством этого остаются восходящие к этнониму апеллятивы — чешское *obr,* словацкое *obor, obrin*, словенское *ober,* верхнелужицкое *hobr, hobjer*, что означает «великан, гигант». Апеллятив сохранился в тех языках, предки носителей которых находились в непосредственном соседстве с Аварским каганатом[64]. Механизм становления этого значения в западнославянских языках можно связать с преувеличенными представлениями о силе завоевателей, а также наделением чужой религиозной и этнической группы нечеловеческими чертами — подобно тому, как это происходило с *hüne, grk, елим, исполинъ* и др. Отметим, что на территории Балкан (в том числе в хорватских диалектах) этноним не получил апеллятивного значения, и уже в XII–XIII вв. греч. *Ἀβάροι* переводилось как *авари*[65]. В то же время в тексте легенды ПВЛ содержится отчетливое указание на высокий рост обров, которые «телом велици». В летописи этноним обозначает, несомненно, не сказочных великанов, а один из кочевых народов, которые подчинили словен.

Для объяснения отсутствия апеллятивного значения этнонима у восточных славян Х. Ловмяньский разработал схему из трех этапов: 1) непосредственные отношения славян с аварами и создание впечатления о военном и физическом преобладании конных кочевников, 2) объединение в более поздней традиции понятия *обрин* с понятием любого человека большой физической силы, затем и большого роста, 3) использование этнического определения *обринъ* в отрыве от этнического субстрата[66]. По мнению исследователя, западные славяне прошли все три этапа и навсегда включили слово в свой лексикон, а у восточных славян третий этап не оставил устойчивого языкового следа, потому что удержалось давнее аналогичное определение *исполинъ*. Но книжное *исполинъ* не вытеснило разговорного «волот», «велетень». Подобная схема сама по себе не доказывает существование восточнославянской традиции об обрах — ни во 2-м, ни в 3-м значении.

Невозможно принять предположение В. Свободы, согласно которому поговорка «погибоша аки обре», которая ходила на Руси, значительно старше сюжета гибели авар, и означает «погибли, как великаны». В объяснении происхождения апеллятивного значения этнонима исследователь присоединился к теории контаминации, т.е. совмещения уже существующего славянского мифа о гибели великанов, называемых похожим славянским словом *оборъ, обръ*, с этнонимом авар и их печальной судьбой[67]. Против такого понимания содержания поговорки говорит широкое распространение топоса о полном истреблении авар во франкских (Эйнхард, Ноткер Заика и др.) и византийских (Николай Мистик, Суда) источниках[68]. Нет никаких оснований считать, что предполагаемая восточнославянская традиция о гибели авар возникла изолированно от общеевропейской. Кроме того, гипотеза В. Свободы выглядит слишком громоздко: сначала миф о гибели великанов-*обров* был контаминирован с судьбой авар, затем этноним *обры* в этом мифе был оторван от этнического субстрата, а потом произошла повторная контаминация при составлении летописной легенды. Построения В. Свободы основаны на выводах В. Кипарского и В. Махека. Ареальные особенности распространения продолжений аппелятива **объръ* ‘великан’ противоречат высказанным этими лингвистами гипотезам о праславянском (и даже индоевропейском — от **obhros*) происхождении этнонима и сближению с греч. ορϱιϖος или готским *abrs* ‘сильный’[69]. Если праславянский термин, обозначавший великанов, был контаминирован с этнонимом «авар», необъяснимо его сохранение только в западнославянских языках. Согласно наиболее обоснованному и влиятельному взгляду, этноним *обри, обръ* восходит к заимствованному тюркскому самоназванию **apar*[70].

Итак, ареал распространения закономерно развивавшихся континуантов этнонима **объръ* ограничивается в основном территорией к югу от Судет и Карпат (за исключением соседних к Чехии Лужиц). Эти территории непосредственно соседствовали с территорией аварского каганата. Традиция о притеснении аварами славян и о борьбе с ними бытовала в VII и X вв. на западе и юго-западе славянского ареала, где в первой половине X в. были известны дулебы и где славяне находились в прямом соприкосновении с аварами с 60-х гг. VI в. вплоть до их исчезновения и ассимиляции.

В заключение отметим, что интерпретация слов «телом велици, а умом горди» в отношении бесследно погибших обров остается крайне важной для характеристики использованной в ПВЛ традиции, но столь же дискуссионной. У ряда исследователей эти слова вызывали ассоциации с библейской историей гибели допотопных исполинов, но в ПВЛ *обры* не названы исполинами прямо. Проблема состоит в том, насколько случайной и независимой является западнославянская аналогия *obr ‘gigas’* (значительно более поздняя по отношению к формуле «телом велици» из ПВЛ), и является ли вторичной в легендарном повествовании аллюзия полного исчезновения авар на книгу Бытия (6: 4). Вне зависимости от избранного решения в качестве среды, которая сохраня-

ла традицию о дулебско-аварских отношениях, на наш взгляд, перспективнее рассматривать не восточнославянских «земледельцев-пахарей», а монахов славянских монастырей — хранителей книжного знания, которые перенесли в Киев «в Русь» отождествление славян с нориками, локализацию Словенской земли на Дунае, легендарные сведения о ее апостоле Павле, память о войнах волохов с уграми и информацию о мораво-паннонской миссии братьев Кирилла и Мефодия.

---

[1] *Łowmiański H.* Początki Polski: z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. II. Warszawa, 1964. S. 358–370; *Swoboda W.* Owiarygodności przekazu Powieści dorocznej o Obrach // Slavia Antiqua: czasopismo poświęcone starożytnościom słowiańskim. T. 17. Poznań, 1970. S. 73–91; *Avenarius A.* Die Awaren in Europa. Amsterdam–Bratislava, 1974. S. 193–217; *Мельникова Е. А.* Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 155; *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004. С. 177, 179, 236, 242; *Войтович Л. В.* Галицько-волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 11–16.

[2] *Zástěrová B.* Avaři a Dulebové v svědectví "Povesti vremennych let" // Vznik a počátky Slovanů. D. 3. Praha, 1960. S. 15–37; *Váczy P.* Der fränkische Krieg und das Volk der Awaren // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 20/3–4. 1972. S. 399–404; *Kollautz A.* Nestors Quelle über die Unterdrückung der Duleben durch die Obri (Awaren) // Die Welt der Slaven. 1982. Bd. 27 (NF 6). S. 307–320.

[3] *Королюк В. Д.* 1) Авары (обры) и дулебы русской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 24–31; 2) Дулебы и анты, авары и готы // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 53–59.

[4] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб 11–13; ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб 9.

[5] *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. I: Курс Русской истории. Ч. I. М., 1987. С. 124.

[6] *Labuda G.* Państwo Samona. 1949; *Zástěrová B.* Avaři a Dulebové... S. 24; *Váczy P.* Der fränkische Krieg... S. 404. *Королюк В. Д.* 1) Авары (обры) и дулебы русской летописи. С. 31; 2) Дулебы и анты, авары и готы. С. 55–56.

[7] *Шахматов А. А.* Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagić Festschrift: zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908. S. 172–188.

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб 29; ПСРЛ. Т. 2. Стб 21.

[9] См. *Щавелев А. С.* Славянские «племена» Восточной Европы X — первой половины XI в.: аутентификация, локализация и хронология // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 2. С. 100.

[10] *Avenarius A.* Die Awaren... S. 199.

[11] Ср. *Конча С. Б.* «Дулібський союз» між міфом і дійсністю // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка: Сер. Українознавство. 2005. № 9. С. 28.

[12] См.: *Matla-Kozłowska M.* Pierwsi Przemyślidzi i ich państwo. (Od X do połowy XI wieku): Ekspansja terytorialna i jej polityczne uwarunkowania. Poznań, 2008. S. 170–239. Там же подробная историография вопроса.

[13] См.: *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903. S. 103; *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. С. 63; *Michalski M, Stephan J.* Noch einmal zum 34. Kapitel der *Goldwiesen* al-Mas'ūdīs über die Slawen // Folia Orientalia. Vol. 50. Kraków, 2013. S. 283–299.

[14] Подробной аргументации данного тезиса, анализу информации 34-й главы и ее составу будет посвящена отдельная публикация.

[15] *Steinhübel J.* Kapitoly z najstarších českých dejín 531–1004. Kraków, 2012. S. 56–57.

[16] *Amon K.* Die Kirche in Dudleipin // Zeitschrift des Historischen Vereins für Steiermark. Bd. 93. 2002. S. 15–56.

[17] Обры названы в 16-й главе при обличении Константином трехъязычной ереси: «Мы же многы роды знаемъ, книгы умѣюче, Богу славу въздающе своимъ языкомъ къждо. Явѣ же суть си: ормѣни, пьрси, авазги, иверие, сугди, готи, объре, турьси, козаре, аравляне, егуптянѣ, сури, ини мнози» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. СПб., 1997. С. 56). То, что Константин имел в виду «восточных авар», которые отождествляются с жителями страны Сарир на севере Дагестана (*Łowmiański H.* Początki Polski. S. 364, przyp. 1105), маловероятно, поскольку в латинских и славянских памятниках аварами называли преимущественно авар паннонских, и в первой половине IX в. христианизированные авары еще проживали в Аварской марке (*Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2004. С. 264–265).

[18] В Златоструе *оугри и обьри* употреблено при переводе греч. Σκύθαι καὶ βάρβαροι: «...да аще мы се ныне знаємъ. не мы же тъчию. нъ и оугри и обьри. кольми паче тъ чл҃къ. тъгда пѣрвѣе грѣха знаяше» (*Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Приложение к IX тому записок имп. академии наук. № 6. СПб., 1866. С. 26).

[19] О временах Фоки «Егда Хоздрои, Перскыи црь, миръ раздроуши, и ѠОбри на Фракию нагнашѧ, и wбои воѥ Греч(е)скаѥ потребишѧ...» О временах Ираклия: «...тогда и ѠОбри придоша къ црви мира просить с лестию... на ѠОбры на воа събравшесѧ, и бившимсѧ» (*Истрин В. М.* Книгы временыя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе Т. 1. Текст, исслед. и словарь. Пг., 1920. С. 432–434; *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 45–46).

[20] «...и ꙗже то соуть ина цᵉртва поганихъ странъ и ѠОбрьᵇско и Оугорьско погибьноуть отъ Грькъ и повоюють Персы» (*Истрин В.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исследование и тексты. М., 1897. С. 92, 172–173 (Во втором переводе Τούρκοι καὶ Ἀβάρεις переведено уже как *Тоурци и Авари* — Там же. С. 107)).

[21] Martyrium SS. Quindecem martyri // Patrologia Graeca. T. 126 / Ed. J. Migne. 1864. Col. 189, 200.

[22] Разумеется, также невозможно считать название *обры* только русским на основании того, что в сербском переводе Хроники Георгия Амартола этноним передан как *авари* (Повесть временных лет / Подг. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.; Л., 1950. С. 392).

[23] *Zástěrová B.* Avaři a Dulebové... S. 23.

[24] *Váczy P.* Der fränkische Krieg... S. 395–420.

[25] *Avenarius A.* Die Awaren... S. 207.

[26] *Kollautz A.* Nestors Quelle... 313–314; *Мельникова Е. А.* Устная традиция... С. 155; также см. *Одесский М.* «Начало славян» и Пятикнижие: библейский контекст языческих преданий в «Повести временных лет» // От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре: Сборник статей. Сэфер. Академическая серия. Вып. 2. М., 1998. С. 253–262.

[27] *Zástěrová B.* Avaři a Dulebové... S. 18.

[28] *Avenarius A.* Die Awaren... S. 214–216.

[29] *Zástěrová B.* Avaři a Dulebové... S. 17–18; *Łowmiański H.* Początki Polski. S. 361.

[30] См. *Копцюх Б.* Історичний зміст Карпатських і Прикарпатських переказів про велетів // Етнічна історія народів Європи. 2008. Вип. 24.

[31] *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 2. Warszawa, 2000. S. 352–353, *Хелимский Е. А.* Тунгусоманьчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология // Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов. Любляна, 15–21 августа 2003.

[32] *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik. S. 352–353, 407.

[33] *Otrębski J.* O pochodzeniu słowa olbrzym // Język Polski. 1972. N 1 (styczeń/luty). S. 13.
[34] *Stachowski M.* Uwagi o zapożyczeniach ałtajskich w języku prasłowiańskim i kwestie pokrewne // Studia Turcologica Cracoviensia. 2005. T. 10. S. 447.
[35] Теория В. Махека о праславянском адъективе **обрьмъ*, который сохранился в старопольском *obrzym* (см. далее) не принята большинством исследователей.
[36] *Mańczak W.* Etymologia wyrazu olbrzym // Sprawozdania Poznanskiego Towarzystwa Przyjaciol Nauk. 1978. N 94. S. 40–41.
[37] Biblia królowej Zofii, żony Jagiełły. Z kodeksu szaroszpatackiego / Wyd. A. Małecki. Lwów, 1871. S. 7.
[38] Bible olomoucká, 1417. I. Díl [I] / Vědecká knihovna v Olomouci. Signatura: M III 1/ I. (fol. 3v) URL: http://www.digitalniknihovna.cz (дата обращения: 01.06.2017).
[39] Psałterz floriański (Psalterium trilingue) [ca 1395 — ca 1405]. Fol. 53 (skan 112) / Biblioteka Narodowa. Rps 8002 III // URL: https://polona.pl/item/52212659/12/ (дата обращения: 01.06.2017).
[40] Žaltář Wittenberský. Praha, 1880. S. 39.
[41] Staročeská Alexandreida / Uspořádal Václav Vážný. Praha, 1949. S. 55, 115.
[42] *Kollautz A.* Nestors Quelle... S. 307.
[43] Етнографічний збірник: видає етногр. коміс. наук. Т-ва ім. Шевченка. у Львові. Галицько-руські народні приповідки. Т. 2 (Кравець–Пять) / Зібрав, упоряд. і пояснив Іван Франко. Львів, 1908. С. 465; *Стрижак О.* Про що розповідають географічні назви. Київ, 1967. С. 56.
[44] *Крамар Є.* Літописні дуліби: реалії, гіпотези, здогади // Наша Культура. 1977. № 9. С. 13–14.
[45] *Pauli I.* Pieśni ludu Polskiego w Galicyi. Lwów, 1838. S. 63; Сборник материалов местностей и племен Кавказа. Вып. 5. Тифлис, 1885. С. 202; *Бессараб И. В.* Материалы для этнографии Херсонской губернии // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1916. Т. 94. № 4. С. 121; *Довженок Г. В.* Український дитячий фольклор: віршовані жанри. Київ, 1981. С. 163.
[46] См. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2: Л–П. СПб., 1902. С. 546, 155; *Bezlaj F.* O besedah in imenih // Jezik in slovstvo. Letn. I. številka 8–9. Ljubljana 1955/1956. S. 240–241; Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 29. М., 2002. С. 103, 135; *Suić M.* Ocjena radnje L. Margetića, "Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata" // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. 8. Zagreb, 1977. S. 97; *Аліферчык Т. М.* Тапанімія заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект. Мінск, 2013. С. 151–157.
[47] *Łowmiański H.* Początki Polski. S. 385–387; *Swoboda W.* O wiarygodności... S. 88–89; *Аліферчык Т. М.* Тапанімія заходняга Палесся. С. 153–157.
[48] *Погодин А. Л.* Из истории славянских передвижений. СПб., 1901. С. 60–61; *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 24, прим. 1; также см.: *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1: A–O. Kraków, 1927. S. 378; *Жучкевич В. А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974. С. 262–263; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. С. 107; Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Відп. ред. О. С. Стрижак. Київ, 1985. С. 94.
[49] *Аліферчык Т. М.* Тапанімія заходняга Палесся. С. 154–157.
[50] См. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 29. С. 128.
[51] *Pohl W.* Die Awaren: Ein Steppenvolk im Mitteleuropa, 567–822. München, 1988. S. 223.
[52] *Margetić L.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. 1977. Vol. 8. S. 66–67; также *Ковачевић* Ј. Аварски каганат, Београд, 1977. С. 91–93.
[53] См. *Алимов Д. Е.* Этногенез хорватов формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. СПб., 2016. С. 167.
[54] *Šišić F.* Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925. S. 678–680; *Ћоровић В.* Историја Југославије. Београд, 1933.

[55] *Suić M.* Ocjena radnje... S. 97; *Bezlaj F.* O besedah... S. 240–241; *Mužić I.* Bijeli Hrvati u banskoj Hrvatskoj i županijska Hrvatska // Starohrvatska prosvjeta. 2010. Vol. III. N 37. S. 279.
[56] *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. II. Zagreb, 1972. S. 535.
[57] Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 130–131.
[58] *Алимов Д. Е.* Этногенез хорватов. С. 166–170; также *Pohl W.* Die Awaren... S. 245.
[59] Мы не останавливаемся на вопросе о влиянии на изложение истории «переселения» хорватов византийского этнического дискурса и общей исторической схемы трактата, в которой авары были причиной многих бед империи — подробно все эти сюжеты рассмотрены Д. Е. Алимовым (*Алимов Д. Е.* Этногенез хорватов. С. 135–212).
[60] *Kos M.* Conversio Bagoariorum et Carantanorum / Razprave znanstvenega društva v Ljubljani 11. 1934. P. 132.
[61] *Zástěrová B.* Avaři a Dulebové... S. 25.
[62] *Łowmiański H.* Początki Polski. S. 360; *Avenarius A.* Die Awaren... S. 195; также см.: *Swoboda W.* O Wiarygodności... S79.
[63] *Curta F.* Slavs in Fredegar and Paul the Deacon: medieval gens or 'scourge of God'? // Early Medieval Europe. 1997. Vol. 6/2. P. 150–151.
[64] *Zástěrová B.* Avaři a Dulebové... S. 16, 18, 20–33.
[65] Во втором болгарском переводе Откровения Мефодия Патарского и в сербском переводе Хроники Георгия Амартола этноним переводился как *авари — Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 46.
[66] *Łowmiański H.* Początki Polski. S. 361.
[67] *Swoboda* W. O wiarygodności... S. 88–90.
[68] *Váczy P.* Der fränkische Krieg... S. 395–420.
[69] *Kiparsky V.* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934 (Annales Academiae Scientiarum Fennicae; Ser. B. T. 32). S. 78; *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. S. 332.
[70] Этимологический словарь славянских языков. Вып. 29. С. 128.

References

ALIFERChYK T. M. *Tapanimiya zakhodnyaga Palessya: etnalingvistychny aspekt* [The toponimy of Western Palessie: ethnplinguistic aspect. In Belarusian]. Minsk: Bielaruskaja nawuka, 2013.

ALIMOV D. E. *Etnogenez khorvatov: formirovanie khorvatskoi etnopoliticheskoi obshchnosti v VII–IX vv.* [Ethnogenesis of the Croats: formation of the Croatian ethnopolitical community in the VII–IX centuries. In Russ.]. St Petersburg: Nestor, 2016.

AMON K. *Die Kirche in Dudleipin* [The chirch in Dudleipin. In Germ.] // Zeitschrift des Historischen Vereins für Steiermark. 2002. Bd. 93. S. 15–56.

AVENARIUS A. *Die Awaren in Europa* [The Avars in Europe. In Germ]. Amsterdam–Bratislava: Hakkert, 1974. 283 p.

BAŃKOWSKI A. *Etymologiczny słownik języka polskiego* [Etymological dictionary of Polish language]. T. 2. Warszawa: Scientific edition of PAN, 2000.

BESSARAB I. V. *Materialy dlya etnografii Khersonskoi gubernii* [Materials for Ethnography of Kherson Province. In Russ.] // Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. 1916. T. 94. N 4.

BEZLAJ F. *O besedah in imenih* [About words and names. In Slovenian] // Jezik in slovstvo. Letn. I. številka 8–9. Ljubljana 1955/1956. P. 239–241.

Bible olomoucká [The Olomouc Bible. In Old Czech]. 1417. I. Díl [I] / Vědecká knihovna v Olomouci. Signatura: M III 1/ I. (fol.3v) URL: http://www.digitalniknihovna.cz (date of access 01.06.2017).

Biblia królowej Zofii, żony Jagiełły. Z kodeksu szaroszpatackiego [The Bible of Queen Sofia, Jagiello's wife. From Szaroszpatak manuscript. In Old Polish] / Wyd. A. Małecki. Lwów: National Institute for. Ossoliński, 1871.

BRÜCKNER A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. T. 1: A–O. [Etymological dictionary of the Polish language. T. 1: A–O. In Polish]. Kraków: W. L. Anczyc, 1927.

CHOROVICH V. *Istorija Jugoslavije*. [History of Yugoslavia. In Serbocroat.]. Beograd: Narodno delo, 1933.

CURTA F. *Slavs in Fredegar and Paul the Deacon: medieval gens or 'scourge of God'?* // Early Medieval Europe. 1997. Vol. 6/2. P. 140–167.

DOVZHENOK G. V. *Ukraïns'kii dityachii fol'klor: virshovani zhanri* [Ukrainian children's folklore: verse genres. In Ukrainian]. Kiïv: Naukova dumka, 1981.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond [Etymological dictionary of Slavic languages. The pre-Slavic lexical fund. In Russ.] / Red. O. N. Trubachev. Vyp. 29. Moskow: Nauka, 2002.

Etimologichnii slovnik litopisnikh geografichnikh nazv Pivdennoï Rusi / Vidp. red. O. S. Strizhak. [STRIZHAK O. Ed. Etymological dictionary of the place-names of southern Russia in Rus' chronicles. In Ukrainian]. Kiïv, 1985.

Etnografichnii zbirnik: vidaae etnogr. komis. Nauk. T-va im. Shevchenka. U L'vovi. Galits'ko-rus'ki narodni pripovidki. T. 2. (Kravets'–Pyat') / zibrav, uporyad. i poyasniv Ivan Franko. [Ethnographic collection: issues etnogr. Komis. Sciences. The Galician-Russian folk sayings. Vol. 2. (Kravets–Five). In Ukrainian]. L'viv, 1908.

FASMER M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 3*. [Etymological dictionary of the Russian language. T. 3. In Russ.]. Moskow, 1971.

FLORYA B. N. *Skazaniya o nachale slavyanskoi pis'mennosti* [Legends about the beginning of the Slavonic script. In Russian]. St Petersburg, 2004.

HOLUB Z. *Jazykové doklady prehistorické podunajské migrace slovanského etnika na český jih*. [Linguistic evidences of prehistoric migration of Slavic ethnic from Danube to the Czech South. In Czech]. Opava, 2014.

ISTRIN V. M. *Knigy vremenyya i obraznyya Georgiya Mnikha. Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode T. 1. Tekst, issled. i slovar'*. [Books of the time and imagery of George Mnich. Chronicle of Georgios Amartolos in the ancient Slavonic translation of T. 1. Text, research survey and a dictionary. In Russ.]. Petrograd, 1920.

ISTRIN V. M. *Otkrovenie Mefodiya Patarskogo i apokrificheskie videniya Daniila v vizantiiskoi i slavyanorusskoi literaturakh: Issledovanie i teksty.* [Revelation of Methodius of Patar and apocryphal visions of Daniel in Byzantine and Slavonic-Russian literature: Research and texts. In Russ.]. Moskow, 1897.

KhELIMSKII E. A. *Tungusoman'chzhurskii yazykovoi komponent v Avarskom kaganate i slavyanskaya etimologiya* [Tungusomanschurian language component in the Avarian Kaganate and Slavic etymology. In Russ.] // Materialy k dokladu na XIII Mezhdunarodnom s'ezde slavistov. Laibach, 15–21 august 2003.

KIPARSKY V. *Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*. [The Common Slavic loanwords from Germanic. In German]. Helsinki, 1934.

KOLLAUTZ A. *Nestors Quelle über die Unterdrückung der Duleben durch die Obri (Awaren*) [Nestor's source of the oppression of the Duleben by the Obri (Avars). In German] // Die Welt der Slaven. 1982. Bd. 27 (NF 6). S. 307–320.

KONCHA S. B. "*Dulibs'kii soyuz*" *mizh mifom i diisnistyu* [The Dulebian Union: between Myth and reality. In Ukrainian] // Visnik Kiïvs'kogo natsional'nogo universitetu im. T. Shevchenka: Ser. Ukraïnoznavstvo. 2005. N 9. S. 23–29.

KONSTANTIN BAGRYANORODNYI. *Ob upravlenii imperiei*. [Constantin Porphyrogenetus. On the Governance of the Empire. In Russ. and Greek]. Moscow, 1991. S. 130–131.

KOPTSYUKH B. *Istorichnii zmist Karpats'kikh i Prikarpats'kikh perekaziv pro veletiv* [Historical content of Carpathian and near-carpathian legends about velety. In Ukrainian] // Etnichna istoriya narodiv Evropi. Vip. 24. Kiïv, 2008. S. 126–130.

KOROLYUK V. D. *Avary (obry) i duleby russkoi letopisi* [Avars (Obry) and the Dulebians of the Russian Chronicle. In Russ.] // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1962 g. M., 1963. S. 24–31.

KOROLYUK V. D. *Duleby i anty, avary i goty* [Dulebians and Antes, Avars and Goths. In Russ.] // Problemy tipologii v etnografii. Moskow, 1979. S. 53–59.

KOS M. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum* [The Conversion of the Bavarians and the Carantanians. In Slovenian and Latin]. 1934.

KOVACHEVICH J. *Avarski kaganat* [The Avarian Khaganate. In Serbian]. Beograd, 1977.

KRAMAR E. *Litopisni dulibi: realiï, gipotezi, zdogadi* [Dulebians from the Chronicle: realities, hypothesis, guesses. In Ukrainian] // Nasha Kul'tura. 1977. N 9. S. 12–14.

ŁOWMIAŃSKI N. *Początki Polski: z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. II*. [The beginnings of Poland: On the history of the Slavs in the 1st millennium. T. II. In Polish]. Warszawa, 1964.

MACHEK V: *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. [Etymological dictionary of Czech and Slovak language. In Polish]. Praha, 1957.

MAŃCZAK W. *Etymologia wyrazu olbrzym* [Etymology of the word olbrzym. In Polish] // Sprawozdania Poznanskiego Towarzystwa Przyjaciol Nauk. 1978. N 94. S. 40–41.

MARGETIĆ L. *Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata* [Konstantin Porfirogenetus and the time of arrival of the Croats. In Croatian] // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. 1977. Vol. 8. S. 5–88.

MARQUART J. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940)* [Eastern European and East Asian explorations: ethnological and historical topographic studies on the history of the 9th and 10th centuries (ca. 840–940). In German]. Leipzig, 1903.

MATLA-KOZŁOWSKA M. *Pierwsi Przemyślidzi i ich państwo. (Od X do połowy XI wieku): Ekspansja terytorialna i jej polityczne uwarunkowania*. [First Premyslids and their state. (From the 10th to the mid-11th century): Territorial expansion and its political conditioning. In Polish]. Poznań, 2008.

MEĽNIKOVA E. A. *Ustnaya traditsiya v Povesti vremennykh let: k voprosu o tipakh ustnykh predanii* [Oral tradition in the Tale of Bygone Years: to the question of types of oral traditions. In Russ.] // Vostochnaya Evropa v istoricheskoi retrospektive. K 80-letiyu V. T. Pashuto. Moskow, 1999. S. 153–165.

MICHALSKI M., STEPHAN J. *Noch einmal zum 34. Kapitel der Goldwiesen al-Mas'ūdīs* ü*ber die Slawen* [Newly, to the 34th chapter of the Mines of Gold of al-Mas'ūdī on the Slavs. In German] // Folia Orientalia. 2013. Vol. 50. S. 283–299.

MIShIN D. E. *Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e*. [Saqaliba (Slavs) in the Islamic world in the early Middle Ages. In Russ.]. Moskow, 2002.

MUŽIĆ I. *Bijeli Hrvati u banskoj Hrvatskoj i županijska Hrvatska* [White Croats in Banska Croatia and the zhupanian Croatia. In Croatian] // Starohrvatska prosvjeta. 2010. Vol. III. N 37. S. 265–298.

ODESSKIJ M. "*Nachalo slavjan*" *i Pjatiknizhie: biblejskij kontekst jazycheskih predanij v* "*Povesti vremennyh let*" ["The beginning of the Slavs" and the Pentateuch: the biblical context of pagan oral traditions in the Russian primary Chronicle. In Russ.] // Ot Bytija k Ishodu. Otrazhenie biblejskih sjuzhetov v slavjanskoj i evrejskoj narodnoj kul'ture. Sbornik statej. Sjefer. Akademicheskaja serija. Vyp. 2. Moskow, 1998. S. 253–262.

OTRĘBSKI J. *O pochodzeniu słowa olbrzym* [On the origin of the word olbrzym. In Polish] // Język Polski. 1972. N 1 (styczeń/luty). S. 10–13.

PAULI I. *Pieśni ludu Polskiego w Galicyi*. [Songs of the Polish people in Galicia. In Polish]. Lwów, 1838.

PETRUKhIN V. Ya., RAEVSKII D. S. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem Srednevekov'e*. [Essays on the history of the peoples of Russia in antiquity and the early Middle Ages. In Russ.]. Moskow, 2004.

POGODIN A. L. *Iz istorii slavyanskikh peredvizhenii*. [From the history of Slavic movements. In Russ.]. St Petersburg, 1901.

POHL W. *Die Awaren: Ein Steppenvolk im Mitteleuropa, 567–822*. [The Avars: A steppe people in Central Europe, 567–822. In German]. München: C. H. Beck, 1988.

Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years. In Russ.] / Podg. teksta D. S. Likhacheva; per. D. S. Likhacheva i B. A. Romanova. Moskow; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1950.

Sbornik materialov mestnostei i plemen Kavkaza. [Collection of materials of localities and tribes of the Caucasus. In Russ.]. Vyp. 5. Tiflis, 1885.

ShAKhMATOV A. A. "*Povest' vremennykh let*" *i ee istochniki* ["The Tale of Bygone Years" and its sources. In Russ.] // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. 1940. T. 4. S. 9–150.

SHAKhMATOV A. A. *Drevneishie sud'by russkogo plemeni*. [The oldest destinies of the Russian tribe. In Russ.]. Petrograd: 2nd state typography, 1919.

SHAKhMATOV A. A. *Skazanie o prelozhenii knig na slovenskii yazyk* [Legend of the introduction of books into the Slovenian language. In Russ.] // Jagić Festschrift: zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908. S. 172–188.

SHCHAVELEV A. S. *Slavyanskie* "*plemena*" *Vostochnoi Evropy X — pervoi poloviny XI v.: autentifikatsiya, lokalizatsiya i khronologiya* [Slavic "tribes" of Eastern Europe From the first half of the 11th century: authentication, localization and chronology. In Russ.] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. N 2. S. 99–133.

ŠIŠIĆ F. *Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara*. [History of Croats in the Time of National Rulers. In Croatian]. Zagreb, 1925.

SKOK P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. II*. [Etymological dictionary of Croatian or Serbian language. T. II. In Croatian]. Zagreb, JAZU, 1972.

STACHOWSKI M. *Uwagi o zapożyczeniach ałtajskich w języku prasłowiańskim i kwestie pokrewne* [Notes on Altai borrowings in Proto-Slavic and related issues. In Polish] // Studia Turcologica Cracoviensia. 2005. T. 10. S. 437–454.

SREZNEVSKII I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 2: L–P.* [Materials for the dictionary of the Old Russian language from written monuments. Vol. 2: L–P. In Russ.]. St Petersburg, 1902.

SREZNEVSKII I. I. *Svedeniya i zametki o maloizvestnykh i neizvestnykh pamyatnikakh. Prilozhenie k IX tomu zapisok imp. akademii nauk. № 6.* [Information and notes about little-known and unknown monuments. An appendix to the 9th Vol. of Notes of Academy of Sciences. In Russ.]. St Petersburg, 1866.

Staročeská Alexandreida / Uspořádal Václav Vážný. [Old Czech Alexandreida / Edited by Václav Vážný. In Czech]. Praha: ELK publ., 1949.

STEINHÜBEL J. *Kapitoly z najstarších českých dejín 531–1004.* [Chapters from the Oldest Czech History 531–1004. In Slovak.]. Kraków: Spolok slovakov v Pol'sku, 2012.

STRIZhAK O. *Pro shcho rozpovidayut' geografichni nazvi.* [What about the geographical names tell us? In Ukrainian]. Kiïv: Naukova dumka, 1967.

SUIĆ M. *Ocjena radnje L. Margetića,* "*Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata*" [The evaluation of L. Margetić's work, "Constantin Porfirogenet and the time of the arrival of Croats". In Croatian] // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. 1977. 8. S. 89–100.

VÁCZY P. *Der fränkische Krieg und das Volk der Awaren* [The Frankish War and the People of the Avars. In German] // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T. 20/3–4. S. 395–420.

VOITOVICh L. V. *Galits'ko-volins'ki etyudi.* [Galician-Volyn sketches. In Ukrainian]. Bila Tserkva: Pshonkivskyj Publ., 2011.

Žaltář Wittenberský. [Psalter of Wittenberg. In Old Czech]. Praha: Nákladem matice české, 1880.

ZÁSTĚROVÁ B. *Avaři a Dulebové v svědectví* "*Povesti vremennych let*" [The Avars and Dulebians in the Tale of bygone years. In Czech] // Vznik a počátky Slovanů. 1960. D. 3. S. 15–37.

ZhUChKEVICh V. A. *Kratkii toponimicheskii slovar' Belorussii.* [Brief toponymic dictionary of Belarus. In Russ.]. Minsk: BGU, 1974.

Список литературы

Amon K. Die Kirche in Dudleipin // Zeitschrift des Historischen Vereins für Steiermark. 2002. Bd. 93. S. 15–56.

Avenarius *A.* Die Awaren in Europa. Amsterdam–Bratislava, 1974.

Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 2. Warszawa, 2000.

Bezlaj F. O besedah in imenih // Jezik in slovstvo. Letn. I. številka 8–9. Ljubljana, 1955/1956. S. 239–241.

Bible olomoucká. 1417. I. Díl [I] / Vědecká knihovna v Olomouci. Signatura: M III 1/ I. (fol. 3v). URL: http://www.digitalniknihovna.cz (дата обращения: 01.06.2017).

Biblia królowej Zofii, żony Jagiełły. Z kodeksu szaroszpatackiego / Wyd. A. Małecki. Lwów, 1871. S. 7.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1. A–O. Kraków, 1927.

Curta F. Slavs in Fredegar and Paul the Deacon: medieval gens or 'scourge of God'? // Early Medieval Europe. 1997. Vol. 6/2. P. 140–167.

Holub Z. Jazykové doklady prehistorické podunajské migrace slovanského etnika na český jih. Opava, 2014.

Kiparsky V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934.

Kollautz A. Nestors Quelle über die Unterdrückung der Duleben durch die Obri (Awaren) // Die Welt der Slaven. 1982. Bd. 27 (NF 6). S. 307–320.

Kos M. Conversio Bagoariorum et Carantanorum // Razprave znanstvenega društva v Ljubljani. 1934.

Łowmiański H. Początki Polski: z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. II. Warszawa, 1964.

Machek *V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Mańczak W. Etymologia wyrazu olbrzym // Sprawozdania Poznanskiego Towarzystwa Przyjaciol Nauk. N 94. Poznań, 1978. S. 40–41.

Margetić L. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. 1977. Vol. 8. S. 5–88.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903.

Matla-Kozłowska M. Pierwsi Przemyślidzi i ich państwo (Od X do połowy XI wieku): Ekspansja terytorialna i jej polityczne uwarunkowania. Poznań, 2008.

Michalski M., Stephan J. Noch einmal zum 34. Kapitel der Goldwiesen al-Mas'ūdīs über die Slawen // Folia Orientalia. Vol. 50. Kraków, 2013. S. 283–299.

Mužić I. Bijeli Hrvati u banskoj Hrvatskoj i županijska Hrvatska // Starohrvatska prosvjeta. 2010. Vol. III. N 37. S. 265–298.

Otrębski J. O pochodzeniu słowa olbrzym // Język Polski. 1972. N 1 (styczeń/luty). S. 10–13.

Pauli I. Pieśni ludu Polskiego w Galicyi. Lwów, 1838.

Pohl W. Die Awaren: Ein Steppenvolk im Mitteleuropa, 567–822. München, 1988.

Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. II. Zagreb, 1972.

Stachowski M. Uwagi o zapożyczeniach ałtajskich w języku prasłowiańskim i kwestie pokrewne // Studia Turcologica Cracoviensia. T. 10. Kraków, 2005. S. 437–454.

Staročeská Alexandreida / Uspořádal V. Vážný. Praha, 1949.

Steinhübel J. Kapitoly z najstarších českých dejín 531–1004. Kraków, 2012.

Suić M. Ocjena radnje L. Margetića, "Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata" // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. 8. Zagreb, 1977. S. 89–100.

Swoboda W. Owiarygodności przekazu Powieści dorocznej o Obrach // Slavia Antiqua: czasopismo poświęcone starożytnościom słowiańskim. T. 17. Poznań, 1970. S. 73–91.

Váczy P. Der fränkische Krieg und das Volk der Awaren // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T. 20/3–4. S. 395–420.

Žaltář Wittenberský. Praha, 1880.

Zástěrová B. Avaři a Dulebové v svědectví "Povesti vremennych let" // Vznik a počátky Slovanů. D. 3. Praha, 1960. S. 15–37.

Аліферчык Т. М. Тапанімія заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект. Мінск, 2013.

Алимов Д. Е. Этногенез хорватов, формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. СПб., 2016.

Бессараб И. В. Материалы для этнографии Херсонской губернии // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1916. Т. 94. № 4.

Войтович Л. В. Галицько-волинські етюди. Біла Церква, 2011.

Довженок Г. В. Український дитячий фольклор: віршовані жанри. Київ, 1981.

Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Відп. ред. О. С. Стрижак. Київ, 1985.

Етнографічний збірник: видає етногр. коміс. наук. Т-ва ім. Шевченка. У Львові. Галицько-руські народні приповідки. Т. 2 (Кравець–Пять) / Зібрав, упоряд. і пояснив І. Франко. Львів, 1908.

Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.

Истрин В. М. Книгы временыя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1. Текст, исслед. и словарь. Петроград, 1920.

Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исследование и тексты. М., 1897.

Ковачевић Ј. Аварски каганат. Београд, 1977.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 130–131.

Конча С. Б. «Дулібський союз» між міфом і дійсністю // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка. Сер. Українознавство. 2005. № 9. С. 23–29.

Копцюх Б. Історичний зміст Карпатських і Прикарпатських переказів про велетів // Етнічна історія народів Європи. Вип. 24. Київ, 2008. С. 126–130.

Королюк В. Д. Авары (обры) и дулебы русской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 24–31.

Королюк В. Д. Дулебы и анты, авары и готы // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 53–59.

Крамар Є. Літописні дуліби: реалії, гіпотези, здогади // Наша Культура. 1977. № 9. С. 12–14.

Мельникова Е. А. Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165.

Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.

Одесский М. «Начало славян» и Пятикнижие: библейский контекст языческих преданий в «Повести временных лет» // От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре: Сборник статей. Сэфер. Академическая серия. Вып. 2. М., 1998. С. 253–262.

Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004.

Повесть временных лет / Подг. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.; Л., 1950.

Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

Сборник материалов местностей и племен Кавказа. Вып. 5. Тифлис, 1885.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2: Л–П. СПб., 1902.

Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Приложение к IX т. записок имп. академии наук. № 6. СПб., 1866.

Стрижак О. Про що розповідають географічні назви. Київ, 1967.

Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48–64.

Ћоровић В. Историја Југославије. Београд, 1933.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971.

Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2004.

Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagić Festschrift: zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin, 1908. S. 172–188.

Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9–150.

Щавелев А. С. Славянские «племена» Восточной Европы X — первой половины XI в.: аутентификация, локализация и хронология // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2015. № 2. С. 99–133.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Ред. О. Н. Трубачев. Вып. 29. М., 2002.

А. С. Кибинь. Дулебы и обры (авары) Повести временных лет

В статье рассматриваются два этнонима краткой легенды о дулебах и обрах из вводной части ПВЛ. Впервые этноним дулебы упоминается арабским источником середины X в. «Золотые копи и россыпи самоцветов» как обозначение территории Чехии. Память об аварах как о противниках сохранялась этногенетическим мифом далматинских хорватов X в., как показывает трактат Константина Багрянородного «Об управлении империи», а также среди западных славян, о чем свидетельствует распространение продолжений общеслав. этнонима **обьрь* в значении «великан» в западнославянских языках. Имеющиеся данные указывают на центральную Европу — район Подунавья и верховьев Эльбы как место центрального «события» легенды. Дискуссионным остается вопрос о связи формулы «телом велици, умом горди» с апеллятивным значением obr ‘великан’.

Ключевые слова: Повесть временных лет, Аварский каганат, Константин Багрянородный, ал’Масуди, авары, дулебы.

A. S. Kibiń. Dulebians and Obri (Avars) of the Russian Primary Chronicle

The article deals with two ethnonyms from a brief legend about the Dulebians (Duleby) and Avars (Obry) from the Introduction of the Tale of bygone years (12th century). For the first time the ethnonym Dulebians (as Dulāba) referred by “Meadows of Gold and Mines of Gems” in the mid-10th century as a designation of the territory of the Bohemia. As the treatise of emperor Constantine “De administrando imperio” shows, the memory of the clashes with Avars was active in the ethnogenetic myth of the Dalmatian Croats in the 10th century, and among the Western Slavs, as evidenced by the proliferation of sequels of the ethnonym **obьrъ* meaning ‘giant’ in Western Slavic languages. This data pointes central “event” of the legend to Central Europe — the Danube basin or upper Elbe. Controversial remains the question of the relationship of the literary concept ‘*telom velicy, umom gordi*’ with meaning of obr ‘giant’ in Western Slavic.

Key words: Tale of bygone years, Avar Khaganate, Constantine Porphyrogenitus, al-Masūdi, Avars, Dulebians.

Кибинь Алексей Сергеевич — к.и.н., независимый исследователь.
Kibiń Aleksiej — Ph. D., researcher.
E-mail: aleksykibin@gmail.com